

Отношение кого-то конечного к чему-то бесконечному

Начало см. стр.11

Связь любовь-небытие представляет парадоксом только на поверхности, а не по сути, поскольку небытие — часть реальности, отношение к которой и есть любовь.

И тогда становится понятным, почему даже "вторая молодость" Бродского, т.е. годы, следовавшие за женитьбой в 1990 году, не только не сняли тему небытия, а лишь усилили ее. Казалось бы, само собой напрашивается соображение, что любовное, семейное счастье должно было диктовать ему только стихи о жизни, но любовь, как ей и положено в зрелом возрасте, приковывала поэта к реальности, а реальность — это живое и неживое, одушевленное и неодушевленное, бытие и небытие в равной пропорции. Эстетическое мужество Бродского — как раз в стремлении соблюсти эту пропорцию. Близость любящего к реальности сильно облегчала эту работу.

Он не печатал любовной лирики, возможно, и не писал. Не странно ли? Не странно, если предположить, что его

altra ego — своей каждодневно ощутимой реальностью — вдохновляла на нечто более теперь для него важное — *"безразличие к самому себе"* (как к центру мироздания, разумеется), питала *"истинную любовь к мудрости"* (из стихотворения "Выступление в Сорбонне").

Жесткая, мощная поэзия его последних лет предоставила голос **небытию**. Раньше мы его не слышали, теперь оно шелестит голосом Бродского... *"Только пепел знает, что значит сгореть дотла..."* Бродскому удалось пересечь тропинкой стиха неодушевленную реальность после того, как он отважно пустился в путь, предположив, *"что знаменитая неодушевленность / космоса, устав от своей дурной / бесконечности, ищет себе земного / пристанища, и мы — тут как тут..."* (из стихотворения "На виа Фунари"). Бродский уж точно оказался тут как тут.

Так было на самом деле всегда. "Поэзия отчаяния", "Апофеоз одиночества", "Гений одиночества" — вспоминаются названия статей о нем. Все так — отчаяние, одиночество, но обитать в этих сферах так долго и так упоенно (музыка сти-

хов говорит сама за себя) мог только человек, издавна познавший любовь редкой силы и глубины. Уже в первых стихах о любви видно, что *"светильник светил, и тропа расширялась"*. Так он позже закончит "Сретение", стихотворение, не относящееся к любовной лирике, но стихотворение о любви, стихотворение, одушевленное любовью к М.Б. Вот почему оно входит в сборник "Новые стансы к Августе".

Мороз по коже пробирает каждый раз, когда открываешь "Новые стансы к Августе" на первой же странице: книга любви начинается с рассказа о том, как взгляд влюбленного сместился с женщины на "недвижимость"! Со знаменитого, многих ставящего в тупик, для иных поклонников Бродского нелюбимого, стихотворения 62-го года "Я обнял эти плечи и взглянул". Для полного понимания этой вещи нужно прочесть то, что он потом написал через сорок лет. Так вообще пишутся и читаются стихи настоящего поэта — поздние уточняют и углубляют ранние.

Если он и был одинок, то весьма примечательным одиночеством, — по словам Льва Лосева, "избирательным сходством вплоть до полной слитности".

ЛИДИЯ ПАНН
Нью-Йорк